

Николай Александрович Бердяев

**Откровения о человеке в
творчестве Достоевского**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Николай Александрович Бердяев

Откровения о человеке в творчестве Достоевского / Николай Александрович Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 50 с.

ISBN 978-5-458-03456-2

Николай Александрович Бердяев - русский философ-идеалист, еще при жизни ставший одним из наиболее популярных русских мыслителей, широко известным не только в России, но и в Западной Европе. В простой и ясной форме он выразил главные тенденции русской философии, зародившиеся в творчестве Чаадаева, славянофилов и Достоевского. В работах Николая Бердяева получило наиболее адекватное и полное выражение своеобразие русской философской традиции.

ISBN 978-5-458-03456-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Н. Бердяев

Откровения о человеке в
творчестве Достоевского

Великий Инквизитор

I

Первые слова, с которыми Великий Инквизитор обратился к Христу, заключенному им в тюрьму, были: «Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и Сам это знаешь».

Я представляю себе такую картину. Вот несут уже последние кирпичи для окончательного устроения царства этого мира. Камни превратились в хлеба, человеческая изобретательность совершает чудеса, осчастливливает людей, государство, в котором общество превращается в земной абсолют. А откуда-то идет человек и скажет им слово, от которого прекратится суета земного устроения: не захотят достроить здание, вспомнят о мире ином, свободу свою опять полюбят превыше счастья, по смыслу жизни затоскуют, вечности захотят больше временного царства. Убьют, истребят этого безумного человека, распнут его во имя блага только человеческого, во имя пользы, во имя устроения и успокоения стада человеческого. Истины объективной, вечной истины, не надо людям, соблазненным царством земным, поддерживающим отпадение мировой жизни от мирового смысла, им нужна только польза, нужно знать только законы, по которым камни превращаются в хлеба, по которым совершаются чудеса техники; свобода тоже не нужна, нужно счастье и удовлетворение; и любовь не нужна, так как можно соединить людей насилием, принудить к общественности. Свободного слова, мешающего строить здание, не позволят сказать, парализуют его, если не физическими, то духовными силами. Уже плохо слышно тех, которые пробуют говорить о высшем происхождении и высшем призвании человека.

В чем главные черты Великого Инквизитора в понимании Достоевского? Отвержение свободы во имя счастья людей, Бога во имя человечества. Этим соблазняет Великий Инквизитор людей, приуждает их отказаться от свободы, отвращает их от вечности. А Христос более всего дорожил свободой, свободной любовью человека. Христос не только любил людей, но и уважал их, утверждал достоинство человека, признавал за ним способность достигнуть вечности, хотел для людей не просто счастья, а счастья достойного, согласного с высшей природой человечества, с абсолютным призыва-

нием людей. Все это ненавистно духу Великого Инквизитора, презирающего человека, отрицающего его высшую природу, его способность идти к вечности и сливаться с абсолютным, жаждущего лишить людей свободы, принудить их к жалкому унизительному счастью, устроив их в удобном здании.

Так говорит католичество, сошедшее с пути Христова, заменившее свободу авторитетом, любовь – мучениями инквизиции, насилием спасавшее презренных «бунтовщиков». Но и в другие исторические церкви вселялся дух Великого Инквизитора, и они «побороли свободу, чтобы сделать людей счастливыми», спасали «бунтовщиков» помимо их свободы и достоинства, вступали на «путь, которым можно было устроить людей счастливыми» и который был отвергнут Христом. То же делало государство, опекавшее бунтующее племя человеческое, отнимавшее у людей свободу во имя устроения их жизни, насиливавшее людей во имя скотоподобного счастья. По этому же пути идет за Великим Инквизитором позитивная религия человечества, социализм, желающий построить безбожную вавилонскую башню и забывающий о религиозной свободе и религиозном смысле. На новый лад хотят устроить человечество, лишив его высшего достоинства, принудить к счастью, лишив свободы. Между народающимся религией социализма и вырождающимся религией католичества, соблазненного царством земным, – много общего, единый дух живет в них. Эта новая религия позитивного и атеистического социализма, устроения человечества вне Бога и против Бога, верит, что со «свободой... теперь кончено и кончено крепко». И люди, которых хотят устроить и осчастливить, «уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне». Забыв о своем происхождении и своем предназначении, отвергнув мечту о небе и вечности, думают, что «степерь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей».

Великий Инквизитор говорит еще: «Вместо того, чтобы овладеть свободой людей, Ты увеличил им ее еще больше! Или Ты забыл, что спокойствие или даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда – Ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, – и это кто же: Тот, который пришел отдать за них жизнь Свою! Вместо того, чтобы овладеть людской свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство чело-

века вовеки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою».

«Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, великий дух говорил с Тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы „искусщал“ Тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах, и что Ты отверг, и что в книгах названо „искушениями“? А между тем, если было когда-нибудь на земле совершено настоящее, громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений... Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человечества и явлены три образа, в которых сойдется все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не было еще так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что все в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более». Так говорил Инквизитор явившемуся к нему Христу.

II

Испытание первое

Социализм как религия, как замена хлеба небесного хлебом земным, как построение Вавилонской башни, социализм, обоготворяющий ограниченное человечество, социализм позитивный и есть один из образов первого искушения. «Во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобою и победит Тебя». И восстали уже сторонники социальной религии и провозгласили, что Бога нет и что человечество на земле должно сделаться богом. О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности, я думаю даже, что в известном смысле нельзя не быть социалистом, это элементарная истина, и менее всего можно признать всякий социализм просто искущением дьявола; но в атмосфере социализма, не нейтрального и не подчиненного религии, а претендующего быть религией, рождается это искушение и ведет не к нейтральному доброму, а к конечному злу. Великий Инквизитор говорит демагогически, прикидывается демократом, другом слабых и угнетенных, любящим всех людей. Он упрекает Христа в аристократизме, в желании спасти лишь избранных, немногих, сильных. «Или Тебе дол-

роги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые». Это очень важное место. Великий Инквизитор так презирает людей, так не верит в высшую природу человека, что лишь немногих считает способными пойти по пути высшего смысла жизни, завоевать вечность, не соблазниться хлебом земным, полюбив превыше всего хлеб небесный. Так презирает людей религия человеческого, так презирает людей социальная религия, желающая хлебом земным заглушить тоску по хлебу небесному. Пусть не поднимается никто на слишком высокие горы, – учит ложный демократизм, – пусть лучше все превратится в плоскую равнину, все уравняется в земной посредственности. Дух Великого Инквизитора подвергает сомнению право подниматься на высокие горы, возрасти, и во имя ложной, земной, а не небесной любви, во имя сострадания к людям призывает делиться своей бедностью с братьями своими, бедностью, а не богатством. Духовное богатство воспрещается. Запрещают думать о вечности, называют это эгоизмом, восхваляют лишь заботу о временном. Будьте все малы, бедны, всегда отказывайтесь от своей свободы, тогда получите хлеб земной, тогда успокоитесь, тогда будет всем благо. Так учили старые, консервативные Великие Инквизиторы, так учат и новые, прогрессивные. И человечество соблазняется, передает скорее дар свободы тем, кто успокаивает его совесть и насыщает его. «И тогда уже мы и достроим их башню». Кто эти «мы»?

Второе искушение

Всякое отрицание абсолютной ценности свободы совести, всякое утверждение мистической свободы по мотивам позитивным есть искушение «чудом, тайной и авторитетом» Великого Инквизитора. Отрицание той истины, что личность человеческая должна спастись свободно, свободной любовью избрать Бога, что в божественной любви и свободе – спасение человечества, есть соблазн второго искушения. Таинственные секты, те, что боятся свежего воздуха, – второе искушение. Все эти насильственные спасители людей, проповедующие как религию авторитета, так и религию человечества, одинаково не верят в силы человека, не уважают человека, и потому любовь их кажущаяся. Вера в человека, в его достоинство, в мистический смысл свободы и есть уже вера в Бога, в источник силы человека и достоинства и свободы его. Не человечества, счастливого, спокойного, устроившегося, но потерявшего свое достоинство, из-

менившего своему назначению, мы хотим, а свободного богочеловечества. Не чудес мы хотим, чтобы поверить, а – веры, творящей чудеса, хотим не авторитета, а – свободы, не тайны, подавляющей нас, закрепляющей нашу слепоту, а – прозрения этой тайны, осмыслиения жизни. Теория насильтственного авторитета есть продукт неверия, она не верит в естественную мощь божественного в жизни и потому создает искусственную мощь, запугивает.¹ Внешний, насильтственный авторитет церкви есть *contradictio in adjecto*, так как сама идея церкви основана на органическом присутствии Св. Духа в соборном теле человечества, на свободном приобщении человека к этому духу.

Третье искушение

Легенда о Великом Инквизиторе – самое анархическое и самое революционное из всего, что было написано людьми. Никогда еще не был произнесен такой суровый и уничтожающий суд над соблазном государственности, над империализмом, никогда еще не была с такой силой раскрыта антихристская природа земного царства и не было еще такой хвалы свободе, такого обнаружения божественности свободы, свободности Христова духа. Но это анархизм на религиозной почве, не «мистический анархизм», а теократический анархизм, это творческая революция духа, а не революционно-анархическое разрушение и распадение. Это отрицание всякого человечковластия, всякого обоготовления человеческой воли, всякого устроения земли во имя Боговластия, соединения земли с небом. И остается непонятным, как мог автор «Великого Инквизитора» защищать самодержавие, соблазниться византийской государственностью.

III

О, конечно, ни в позитивизме, ни в социализме, ни в зачинающейся религии земного человечества, освобожденного от вселенского смысла, нет еще той картины, которую рисует Великий Инквизитор, но путь этот есть уже его путь. Люди уже захотели, чтобы «избавили их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного». Позитивизм уже избавился от этих мук, уже отверг для людей решение личное и свободное, это – одна из хитростей Великого Инквизитора. Абсолютное земное государство, вновь возрождающееся в эсхатологии социал-демократии, – другая его хитрость, «все будут счастливы». Но это предмирное,

метафизическое начало зла, небытия и рабства находится в состоянии исторической текучести, дух Великого Инквизитора не имел еще окончательного и предельного воплощения, он сокрыт, его нужно разоблачать под разными масками. Люди, ныне обольщаемые духом Великого Инквизитора, это еще не «счастливые младенцы», еще не «подчинившиеся». Эти люди более всех гордятся, более всех бунтуют, обоготворяют только себя, только свое человеческое. Но обоготворение человеческого, самообоготворение человека ведет роковым образом по закону мистической диалектики к обоготворению одного сверхчеловека. Люди, плененные младенческим счастьем Великого Инквизитора, окажутся рабами, жалкими существами и ощутят потребность в окончательном подчинении. Что-то похожее мелькает уже в лицах масс, загипнотизированных самыми революционными и, по видимости, освободительным идеями. Человечество, превратившись в стадо, успокоится, перестанет кичиться, поклонится в конце Великому Инквизитору, и будет восстановлено единовластие.

Охранение тайны, сокрытие смысла жизни во имя счастья людей, во имя построения для них здания – вот глубокая тенденция, проявляющаяся на разных концах современной культуры. Государственники старые, консервативные, и государственники новые, революционные, агностики старой церкви авторитета и новой церкви позитивизма, охранители старой вавилонской башни и строители новой одинаково хотят скрыть от людей истину о смысле мироздания, так как боятся результатов этого раскрытия, боятся слова, которое может разрушить их строение. Если в оккультизме есть что-нибудь серьезное, то это все тот же соблазн Великого Инквизитора, сокрытие тайны и руководительство миллионом младенцев. Новое религиозное сознание отвечает всем малым и великим инквизиторам мира: раскрытие людям тайны о смысле вещей, раскрытие истины абсолютной и вечной выше всего в мире, выше счастья людей, выше всякого здания для человечества, выше спокойствия, выше хлеба земного, выше государства, выше самой жизни в этом мире. Миру должно быть поведано слово истины, объективная правда должна раскрыться, чего бы это ни стоило, и тогда человечество не погибнет, а спасется для вечности, какие бы временные страдания оно ни претерпело. Люди – не бессмысленное стадо, не слабосильные, презренные животные, которые не могли бы вынести тяжести раскрытия тайны, люди – дети Божьи, им уготовано божественное назначение, они в силах вынести тяжесть свободы и могут вместить мировой смысл. Личность человеческая имеет абсолютное значе-

ние, в ней вмешаются абсолютные ценности, и путем религиозной свободы она осуществит свое абсолютное призвание. По презрению к личности, по неуважению к ее бесконечным правам, по страсти опекать человека и лишать его свободы и чести, соблазнив счастьем и спокойствием, – узнается дух Великого Инквизитора. Любовь к человеку не есть опека над ним, управление и властвование человеком, как не есть жалость; любовь не совместима с презрением и неверием в человека; любовь есть соединение и слияние с родным по духу, не одинаковым, но равным по достоинству и призванию, трансцендентное влечение к близкой природе, в которую веришь и которую почитаешь в Едином Отце. По свободе и любви, по свободной любви, соединению людей в Боге, узнается Дух, противоположный Великому Инквизитору.²

Есть зло элементарное, первичное, есть исходная в истории мира порабощенность, звериность, разъединенность. Зло это постепенно отмирает, человечество освобождается от него в мировом прогрессе, но источник зла не преодолевается, не побеждается, корень остается не вырванным, так как окончательный исход и полное разрешение возможны лишь в процессе сверхисторическом и сверхчеловеческом. Метафизическое зло перевоплощается в новых формах, является в образах менее звероподобных, рабских и хаотически разъединенных. Каждущаяся, призрачная человечность, освобожденность и соединенность людей прикрывает зло будущего, зло сложное и окончательное, не так для нас видимое, как зло зверски первобытное. Окончательное, самое соблазнительное зло должно иметь обличье добра. Русское самодержавие с его бесчеловечной и безбожной политикой, с казнями, тюрьмами, надругательством над личностью и черносотенными погромами есть остаток зла первобытного, зверства изначального, рабства, от которого мир освобождается в своей истории. Зло, звериное в абсолютном, насилиственном государстве видно всякому зрячему, зло прошлого обнажено, раскрыто и доживает последние дни. Первобытный хаос зашевелился в стихии русской революции, сама она и реакция на нее обливают землю кровью, но и в этом кровавом хаосе нет еще окончательного ужаса. В грядущем не будет уже терзать человеческую личность деспотическое государство, не будет уже таких жестокостей, убийств и грабежей, не будут вбивать в головы людей гвозди, как это случилось, к позору человечества, в XIX веке в белостокском погроме. Длинный еще предстоит путь освобождения от изначального зла, на пути этом человечество подвергнется соблазну зла более утонченного, зла конечного.

Ницше многих соблазнил и создал стадо ницшеанцев, стадо микроскопических «сверхчеловеков». А демонизм Ницше – явление огромное, истинно новое, безмерно важное для нашего религиозного сознания. От Ницше нельзя так легко отделаться, как думал отделяться Вл. Соловьев. Старые лекарства не помогают от новых болезней. Вся сложность и глубина проблемы Ницше в том, что он был таким же благочестивым демонистом, как и Байрон, что богооборчество тут не темная, злая сила, а временное затемнение религиозного сознания от добрых, творческих изменений религиозной стихии человеческого бытия. Новый опыт человечества, бесконечно важный для полноты религиозного сознания, не осмыслен еще, не соединился еще с Разумом-Логосом, – вот в чем недоразумение благочестивого демонизма. Таков Иван Карамазов, таковы многие люди нового времени, переживающие тяжкий кризис, сгибающиеся под бременем сложности, еще не осмысленной; богооборчество их не есть метафизическое отвращение к Богу и окончательное изображение зла, люди эти ищут, идут расчищать путь человечеству. Дух Божий невидимо и неведомо присутствует в них, и ошибки их сознания простятся им. По словам Христа, спасутся богооборцы, не совершившие хулы на Духа Святого. И Иов боролся с Богом. Без такого богооборчества нет богатой мистической жизни и свободного религиозного выбора. Все новые мученики Духа, все томящиеся и ищущие, неудовлетворенные уже односторонней, частной, неполной религиозной истиной, предчувствующие биение новой религиозной жизни, не сознанной еще, – совершают ли они хулу на Святого Духа? Быть может, неразгаданное еще, таинственное и влекущее в демонизме есть одна из сторон Божества, один из полюсов добра, и будет понятно это лишь в религиозном синтезе конечного фазиса мистической диалектики бытия.³ Маркс заимствовал этот атеизм у Фейербаха, но в нем нет своеобразной религиозности последнего. Атеизм Маркса не есть мука и тоска, а злобная радость, что Бога нет, что от Бога, наконец, отделались и «стало возможно в первый раз помыслить о счастье людей». Презрение Маркса к людям, к человеческой личности не имеет пределов, для него не существует человек с внутренним его миром, не имеет никакой ценности личность, хотя благо и счастье человечества (пролетариата, ставшего человечеством), устроение его по законам необходимости – сделалось его мечтой. Великий Инквизитор в Марксе так же презирает личность, как и Великий Инквизитор в абсолютном цезаризме, в государственном или церковном деспотизме. О, конечно, Маркс взял «меч Кесаря». Марксисты же часто бывают невинными детьми, очень благо-